

ЗА ДЕРЖАВУ ПО-ПРЕЖНЕМУ ОБИДНО

Историю этой картины можно назвать мистической. Иначе как без веления свыше, по «нормальным законам» того времени картина состояться попросту не могла. Было столько указующих сигналов с Неба, заставивших меня взяться за этот фильм!.. И уж вовсе не постижимо, как он вообще прорвался к зрителю...

После скандала с «Женей, Женечкой и «катюшой» я попал под запрет на профессию. Жизнь казалась пропавшей, в кинематограф вернуться мне не светило. Все мои заявки на корню отвергались. Баскаков, тогдашний первый зампред Госкино, поклялся, что пока он сидит в своем кресле, этот Мотыль больше снимать не будет. Словом, я был загнан в угол.

Владимир
МОТЫЛЬ

казывать сцену сумасшествия жены Верещагина и жен, рыдающих над Абдуллой. Выбора не оставалось — я согласился.

После утаснного от «Мосфильма» показа Баскакову, организованного Спицыным в нерабочее время, фронтовой его друг Володя сказал:

— Материал как материал. На «Мосфильме» бывало куда хуже. Только раз уж ты так пеешься о своем Мотыле, поезжай-ка сам на съемки и следи за ним. Главное, чтоб не поссорил нас с Востоком... Меня будешь держать в курсе.

Как только мы определились с местами съемок в Каракумах и вновь продолжили работу под Байрам-Али, в разгар лета, в самое пекло к нам прививал чрезвычайный полночный посланник Госкино Вадим Петрович Спицын.

Правда, сколько я ни предлагал, на съемках он появился лишь однажды и только на чаек. Поселился он рядом со мной на выделенной ракетчиками генеральской даче. Пока мы снимали буквально от зары до зари, Вадим неплохо проводил время. Закупив на обильном восточном базаре в Мары всякой снеди и горячительных напитков, знакомился со славными девушками. Купил за копейки осла, которого, представьте, увез в самолете из Мары к себе в Тушино. Больше месяца он регулярно звонил Баскакову, говорил, что дела идут отлично, все снимается по железному сценарию. Мотыля не узнает, благодарит за советы, выполняет все твои указания. Кстати, некоторые советы Баскакова действительно пошли картине на пользу.

ОБИДНО

— Восток требует совершенно иного подхода, у них там другое мышление, у мусульман. Должен быть тонкий подход, — напутствовал он меня перед экспедицией, делая грозное лицо. Эти его слова и натолкнули меня вписать Сухову реплику: «Восток — дело тонкое». Исходя из того же, Баскаков настаивал, чтобы в банде Абдуллы обязательно были русские. Чтоб это был не отряд басмачей, а разношерстная банда. То, что Сухов в схватке с Абдуллой помогает Санд, — это Баскакову особенно нравилось.

Зампред проповедовал оригинальное понимание интернационализма в кино: подлецов, сволочей на экране должны представлять только русские.

По окончании съемок я был обязан предъявить «Мосфильму» весь отснятый материал в черновом монтаже.

Мне тут же надавали более двух десятков поправок, в числе которых, к примеру, предлагалось убрать черную икру как злонамеренный намек, что советские люди ее не видят. Еще — убрать пынство Верещагина, «вырезать ляжки» Катерины Матвеевны, квалифицированные как порнография. Вырезать икону Богоматери со струйкой крови в сцене убийства хранителя музея и прочая, прочая... А генеральный директор «Мосфильма», считавший себя знатоком музыки, так как когда-то был трубачом, остался недоволен музыкой Шварца и предложил ее перерекстровать.

Ничего перерабатывать я не стал — просто домонтировал не нравившиеся мне самому места. С подачи «Мосфильма» акт о приемке картины в Госкино

подписывать не стали. Нависла явная угроза «полки». А дальше случилась еще одна, не раз рассказанная мной мистическая история. По чистой случайности непринятый фильм попал на дачу к Брежневу. В Особом отделе (был такой склад в Госкино, обслуживавший высшую номенклатуру) потерпел западный боевик, и вместо него завскладом на свой страх и риск отпрали мою картину. Вдобавок на даче собралась компания молодых друзей семьи генсека. Подгулявшим в застолье картина понравилась, и ночью Брежнев поздравил министра с хорошим кино. Так, благодаря перманентной цепи случайностей, картина, словно парусник, двигаясь против штормовых ветров вопреки всем правилам навигации,

пись «Карл Маркс» на книжке, которую держит одна из жен Абдуллы в кадре коллективного труда. Наконец «убрать порнографию» — могучие ляжки Катерины Матвеевны при переходе ее через ручей. Как бы не перевозбудить строителей коммунизма. У меня был дубль, где ляжки полуоткрыты юбкой. Разрешительное удостоверение было получено.

Но «хеппи-энд» опечалил моих гонителей. Главный редактор объединения пустыла ловко придуманную утку, чтобы спасти плохую картину лишь письма Сухова, введенные по совету редактуры, считайте, по ее совету. Сочинители версии забыли только, что фильм я начал снимать в Луге как раз с внесценарной Кате-

При этом мосфильмовцы и чиновники разъезжали с моим детьми по всем континентам на декады и дни советской культуры — разумеется, без меня. Валюта обильно сыпалась в закрома державы, а создателей самого кассового фильма обсчитали в пять раз против тех положений, что сузили нам проценты по эксперименту Чухрая.

Прошло немного времени, и все стало «на свои места»: трижды фильм выдвигался на Госпремию, и трижды проваливали его в секции кино комитета по премиям, укомплектованной коллегами-кинематографистами. Лишь почти тридцать лет спустя президент Ельцин особым указом, обойдя комитет по премиям, все же наградил «народный фильм».

Спасибо судьбе, которая еще раньше свела меня с композитором Шварцем и Булатом Окуджавой, что я отыскал уникального художника Валерия Кострина. В отличие от многих других коллег, рисовавших эскизы, а после передававших реализацию на декораторов, Валерий всегда был на съемочной площадке, в рабочей одежде, сам мастерил и был за прораба-строителя. К слову, никто не догадывался, даже кинематографисты, что не только мастерски сработанные павильоны, но и нефтеналивные баки, и домик Верещагина, и добрая половина «Педжента» — дело рук Кострина. До сих пор удивляюсь профессиональному оператора Эдуарда Розовского, снимавшего не на «Кодаке», а на нашенской пленке, без брака, при этом снимавшего в хорошем темпе. Мой первый ассистент Николай Конюшев и дебютант-директор Юрий Хохлов выдержали тяжелейшее производство от начала до конца. Только в Каракумах сменилась половина на технического состава группы — не вынесли условий труда и быта. В такого рода картины опереться я мог лишь на подвижников.

...Во время съемок в Каракумах мы базировались на территории ракетной части стратегического назначения. Жил я с актерами на деревянной даче. Рядом стояла будочка вроде деревянного сортира. Над ней — открытый сверху бак с дырками: отодвигаешь заслонку снизу — из дырок льется нагретая солнцем вода. Когда я приезжал из пустыни съемок, выпотрошенный, измочаленный физически, не имея сил стянуть одежду, вставал под спасительный душ — вот это были минуты неземного блаженства. Короткий разговор перед завтрашним днем с актерами, уточнения поправок в текстах, мертвейший сон на пять-шесть часов и снова — в пекло. Эти дни — из самых счастливых мгновений моей жизни в кино. Из удивливого мира лжи я, словно в невесомости, возносился к Свободе.

Негативные страсти вокруг «Белого солнца...» не улеглись, а напротив, усилились, когда спасенная Небом картина набрала вес в российском и мировом прокате. Так специально прирученные к травле псы, которым когда-то скомандовали «ату», а после сцепи не спустили, могут расстроиться до инфаркта. Фильм не пустили ни на один фестиваль, даже национальный: не дай бог, Мотыль получит приз!

«Восток — дело тонкое». Фраза, придуманная чиновниками, стала крылатой

лишь чудом не опрокинувшись, добралась до гавани. Едва рассвело, министр Романов уже сидел в просмотровом зале, как же, впервые не испытывая страха что-либо проглядеть. Он мог смотреть картину как обычновенный зрителю. В тот же день от министра поступило указание о трех (но ведь не о двадцати семи!) поправках. Иначе как же он министр, если не внесет свою лепту.

Таможенник не должен лежать на полу (в сцене, где он выбрасывает офицера) — иначе он алкоголик, а не герой. Ну что ж, комбинаторы сделали выкладку — стало непонятно, на чем он лежит. Убрали на- смешку над святыней — над-

рующие действие. Прием испортил себя. Идея эпистолярного жанра возникла примерно тогда, когда я уже отснял почти половину картины, и уж точно раньше, чем разразился первый скандал на «Мосфильме».

Негативные страсти вокруг «Белого солнца...» не улеглись, а напротив, усилились, когда спасенная Небом картина набрала вес в российском и мировом прокате. Так специально прирученные к травле псы, которым когда-то скомандовали «ату», а после сцепи не спустили, могут расстроиться до инфаркта. Фильм не пустили ни на один фестиваль, даже национальный: не дай бог, Мотыль получит приз!

СТАРОДУМ

ДИАГНОЗ: ДОВЕРЧИВЫЕ

А все-таки — почему население проголосовало в апреле за Путина?.. Понимаю, понимаю: до предела надевший вопрос, который сейчас разве что обрел покаянно-надрывную интонацию, где «почему?» смахивает на «зачем!». Но если бы не случилась трагедия с «Курском», если бы привычная пустота президентского взора не оскорбила многих и многих, вопрос не утратил бы своей загадочности. Той, что снова уперлась в проблему пресловутой загадочности пресловутой русской души...

Итак, зачем?! Почему один президент с рейтингом, вплотную приблишившимся к нулю, рекомендует второго и мы на сей раз верим слову того, во всех прочих словах которого разуверились? Правда, ответ дан не единожды: дескать, увидели в молодом и спортивном контраст со старым и дряхлым. Допустим. Но вот это самое слово, которое не оторвешь от того, кто его произносит, — как оно вместо того, чтобы оттолкнуть, притянуло?

...У Галича есть знаменитая песня «О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира». «Израильская», говорю, военщина известна всему свету! Как мать, говорю, и как женщина требую их к ответу! И — никакой реакции зала.

Между прочим, у Галича было сперва иначе (и первый, отброшенный вариант порою еще исполняется). Клим так же зачитывал речь, писанную в расчете не на него, но на зал не только взрываю хохотом, а и присваивал белолаге обидную кличку Маманя. Однако друг Галича (и мой) Анатолий Аграпановский посоветовал финал изменить. «В том-то и дело, — сказал Толя-умница, — что ничего не заметил!»

Да, мы именно таковы. По крайней мере за советское время стали автоматически воспринимать каждое слово, произносимое официально. Но это бы еще ничего, а ведь вспомним: отличнейше понимая, как врут газеты насчет нашего бытования — разумеется, неуклонно растущего — благополучия, люди одновременно, тем же самым газетам безоговорочно верили, что «у них» безработные сплошь живут под мостами, что слово-чехи («которых мы кормим») продаются империалистам, что академик Сахаров изменяется вражина-предатель...

Посчитаем на пальцах, из чего складывается этот отечественный феномен. Абсолютное равнодушие к казенному слову, в кюм отрицают любое реальное содержание, — как в случае с Клином; то есть стойкая форма недоверчивости. Абсолютная трезвость в оценке вранья, когда дело касается осязаемого материально. И абсолютная слепая доверчивость во всех тех областях, куда неступала наша нога в ботинке советского производства. И т. д., и т. п. — но и это уже озадачивает несомненностью. Однакоже — странным образом совмещающейся.

Национальная генетика, что ли, виновна? Вообще-то — отчего бы и нет, ежели лексикограф Даль утверждает, что у нас иконо- одно из значений глагола «врать» — «искусно рассказывать» (такая синекдохеность ложи о чем-то да говорит). Народное, преимущественно крестьянское сознание естественно сочтет трезвое знание, что почем в быту и в хозяйстве, где — шалишь, не надуешь, и доверчивую мифоманию насчет того, что вонне («— Что ж это такое Литва? — Так она Литва и есть.

Станислав
РАССАДИН